

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-612-627

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ КИТАЯ В РАМКАХ МОДЕЛИ ЮГ—ЮГ

Г.М. Костюнина

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

В.И. Баронов

Московский городской университет управления Правительства Москвы,
Москва, Российская Федерация

Целью статьи выступает выявление особенностей региональных интеграционных соглашений с участием Китая как развивающейся страны с другими развивающимися государствами, т.е. в рамках модели Юг—Юг. Основу китайской интеграционной стратегии составляет принцип «мораль крупной державы», позволяющий оказывать содействие развивающимся странам с небольшой по размеру территорией с учетом стратегических мотивов и нередко — в меньшей степени — экономических преимуществ. Именно развивающиеся страны являются основными партнерами Китая по региональным интеграционным соглашениям (12 из 16). При написании исследования авторы применяли методы сравнительного и статистического анализа, политического прогнозирования для характеристики норм соглашений с участием Китая; а также логический анализ, который позволил сформировать целостную картину интеграционной стратегии КНР. Проведен анализ основных положений интеграционных соглашений с участием Китая по модели Юг—Юг, а также определена динамика внешней торговли КНР с развивающимися странами — партнерами по интеграционным соглашениям.

Главные выводы авторов: региональные интеграционные соглашения с участием Китая отличаются преобладанием модели Юг—Юг, в основном двустороннего формата, либерализацией торговли товарами и услугами, приоритетом в подписании соглашений со странами Азии; относительно узким охватом и редко включают вопросы защиты интеллектуальных прав собственности, конкурентной политики, перемещения лиц, экологии, госзакупок; применением гибкого подхода к выбору партнеров по интеграционным соглашениям и содержанию соглашений; более динамичным ростом экспорта Китая в страны — партнеры по интеграционным соглашениям; наиболее эффективными для КНР стали интеграционные соглашения с АСЕАН, Республикой Корея и Пакистаном.

Ключевые слова: Китай, региональные интеграционные соглашения, модель Юг—Юг, внешняя торговля, эффект «создания торговли», эффект «отклонения торговли»

СТРАТЕГИЯ КНР В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Китай стал участвовать в региональных интеграционных соглашениях (РИС)¹ относительно недавно — с начала 2000-х гг., когда в 2003 г. было подписано первое

---

¹ Экономическая интеграция — неотъемлемая тенденция современной мировой экономики, а ее формат — интеграционные соглашения, количество которых очень быстро выросло за последние 20 лет. Вопросами их нотификации занимается ВТО. По правилам ВТО, если интеграционное соглашение нотифицировано в соответствии со ст. XXIV ГАТТ, то оно называется региональным торговым соглашением (regional trade agreement, RTA), если нотифицировано в соответствии со ст. XXIV ГАТТ и ст. У ГАТС, то — региональным интеграционным соглашением (regional integration agreement, RIA), еще один возможный вариант — нотификация в соответствии с т.н. «разрешающей оговоркой», а соглашение расценивается как преференциальное торговое соглашение (preferential trade agreement, PTA).

соглашение о сближении экономического партнерства (closer economic partnership) с Гонконгом, а первое соглашение о зоне свободной торговли товарами (free trade agreement) — с АСЕАН в 2004 г. (ему предшествовало рамочное соглашение 2002 г.). Китайская стратегия участия в интеграционных соглашениях по формированию зон свободной торговли исходит из принципа «мораль крупной державы» (大國道德) [Li 2015]. Большая часть государств — партнеров Китая по интеграционным соглашениям — страны небольшие и средние по размеру территории и численности населения и не являющиеся ведущими торговыми партнерами, что связано с неготовностью КНР проводить широкую торговую либерализацию после присоединения к ВТО в 2001 г. Членство во Всемирной торговой организации стимулировало существенное открытие китайского рынка для зарубежных товаров и услуг, в частности, ставки таможенных пошлин сократились на $\frac{2}{3}$, а уровень охвата импорта количественными ограничениями — с 50 до 8,45% [Nakagawa, Liang 2011]. Кроме того, с небольшими странами проще договориться о признании рыночного статуса китайской экономики², а также приобрести опыт проведения торговых переговоров, что важно для определения позиции в переговорах с экономически более развитыми государствами.

С рядом стран — партнеров по интеграционным соглашениям Китай имеет отрицательное сальдо торгового баланса, когда стоимостной объем китайского импорта превышает экспорт (табл. 2). Преследуя стратегические цели, КНР может осознанно идти на определенные краткосрочные убытки в расчете на получение прибыли в средне- и долгосрочной перспективе. Располагая существенными свободными финансовыми ресурсами, Китай может позволить себе подобные маневры. При этом в отношениях с некоторыми странами (Южной Азии и Юго-Восточной Азии) просматриваются не только экономические, но и политические мотивы. Сказанное соответствует китайской поговорке: «Чтобы поймать большую рыбу, надо распустить длинную леску» (放长线钓大鱼)³ [Zeng 2016].

По мнению министерства торговли КНР, зоны свободной торговли (ЗСТ) расцениваются правительством страны в качестве платформы для открытия национальной экономики, ускорения внутренних реформ, эффективной интеграции страны в мировую экономику, укрепления экономического сотрудничества с другими государствами и в качестве дополнительного инструмента либерализации многосторонней системы торговли⁴ [Understanding China's... 2014]. Идея регионального экономического сотрудничества и укрепления связей с развивающимися странами по линии Юг—Юг впервые была озвучена в «Основных положениях 9-го пятилетнего плана экономического и социального развития КНР (1996—2000 гг.) и перспективной программы до 2010 г.» [Song, Yuan 2012].

² Важно, например, для применения режима наибольшего благоприятствования на постоянной основе, а не на временной основе, а также правил антидемпингового регулирования в рамках ВТО, когда в случае доказанного факта демпинга со стороны государства-экспортера взимается антидемпинговая пошлина с товаров только компании, нанесшей ущерб экономике страны-импортера, а не всех компаний-поставщиков конкретной продукции.

³ Есть еще один перевод — «Забросить удочку подальше, чтобы поймать рыбу покрупнее».

⁴ China Ministry of Commerce. China FTA Network. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/english/index.shtml> (accessed 12.01.2018).

Каковы причины активизации китайского членства в интеграционных процессах? Одна из них связана с поддержкой роста экспорта как одного из ведущих факторов динамичного развития китайской экономики. Правда, в последние десять лет его значение несколько снизилось вследствие глобального финансового кризиса 2008—2009 гг. и сокращения внешнего инвестиционного и потребительского спроса, что привело к необходимости смены модели экономического развития от экспортоориентированной модели к модели, ориентированной на внутренний спрос, а также расширения участия в глобальных цепочках поставок. Еще одна причина активизации членства КНР в региональных интеграционных соглашениях связана с переговорным процессом и последующим подписанием в феврале 2016 г. соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). Его вступление в силу повлекло бы издержки, так как на 12 участвующих государств приходится почти треть экспорта Китая [Баронов, Костюнина 2016]. В феврале 2018 г. соглашение было вновь подписано 11 странами, за исключением США, официально вышедших из ТТП в начале 2017 г. Поэтому вступление в силу ТТП (для этого необходима ратификация не менее 6 государствами) рассматривается в КНР в качестве угрозы национальному экспорту как конечной продукции, так полуфабрикатов и сырья [He, Yang 2015].

В связи с вышеизложенным китайское руководство активно поддерживает интеграционный проект, выдвинутый АСЕАН, — Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП). Данный проект включает 16 государств — АСЕАН-10, Китай, Японию, Республику Корея, Австралию, Новую Зеландию и Индию [Костюнина 2011]. Переговорный процесс продолжается с 2012 г., и хотя дата его завершения не раз переносилась, но сохраняется большая вероятность подписания соглашения и формирования самой крупной в мире зоны свободной торговли с совокупным ВВП в 24,9 трлн долл. (32,5% общемирового ВВП) и населением более 3 млрд человек (40% общемирового населения) [Salidjanova 2015]. По некоторым подсчетам, ратификация соглашения РВЭП, на долю участвующих государств которого приходится треть китайского экспорта, приведет к дополнительному приросту ВВП страны на 1,4 п.п. и экспорта на 11,2 п.п. в среднем ежегодно [Petri, Plummer, Zhai 2012].

Учитываются разные мотивы членства Китая в интеграционных соглашениях. Стратегический мотив важен, во-первых, при решении территориальных споров в Южно-Китайском море, как, например, при подписании соглашения с АСЕАН, во-вторых, для повышения экономической и политической роли в АТР в качестве противовеса США и Японии, например, с Республикой Корея [Quinn 2015], в-третьих, для развития экономических и политических отношений с развивающимися регионами мира, в том числе с Южной Азией (Пакистан, Мальдивы), с Латинской Америкой (Перу, Чили, Коста-Рика), с Ближним Востоком и Африкой (продолжаются переговоры по интеграционному соглашению с Советом сотрудничества арабских стран Персидского залива (ССАГПЗ)).

Еще один мотив связан с необходимостью признания рыночного статуса китайской экономики, так как присоединение к ВТО в 2001 г. не повлекло авто-

матического признания подобного статуса⁵. Намечалось такое признание по истечении 15-летнего периода членства, но до сих пор этого не произошло. Поэтому интеграционные соглашения расцениваются как инструмент расширения признания разными странами рыночного статуса, что, например, сделали Сингапур и Малайзия.

С учетом важности активного участия в глобальных и региональных цепочках поставок, мирового лидерства в сфере экспорта, прежде всего промышленного, и нехватки тех или иных видов природных запасов важен ресурсный мотив в целях обеспечения страны стабильными поставками сырья из стран-партнеров (политика «сырье для развития промышленности»), например, с Чили (доля сырья в экспорте страны в Китай составляет 36%), Перу, Коста-Рикой [Wise 2012]. Реализация данного мотива в числе прочих факторов содействовала изменению географической направленности китайского экспорта, а именно снижению доли экономически развитых государств и росту удельного веса развивающихся стран. Следует выделить и экономический мотив подписания интеграционных соглашений в целях стимулирования роста взаимной и совокупной торговли, а значит, и темпов экономического развития.

При проведении переговоров с отдельными странами о подписании интеграционных соглашений Китай исходит из принципа «дать больше и получить меньше, быть на равных в достижении конечных преимуществ» (多予少取, 平等互利), что подчеркивает нередко политический подтекст соглашений. Правительством страны определена цель к 2020 г. повысить долю интеграционных соглашений в совокупном китайском экспорте до 70% [Li, Wang, Whalley 2014].

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ С УЧАСТИЕМ КИТАЯ

По данным ВТО, на начало 2018 г. в КНР функционировали 16 интеграционных соглашений, в том числе 15 о зоне свободной торговли и 1 преференциальное торговое соглашение с охватом только торговли товарами — Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (АПТА), к которому Китай присоединился в 2002 г. 15 соглашений были нотифицированы в рамках ВТО, а с Мальдивами — пока нет. 12 из 16 соглашений подписаны с развивающимися странами или в рамках модели Юг—Юг. Причем изначально соглашения подписывались только с развивающимися странами, а первое соглашение с экономически развитым государством (Новой Зеландией) было подписано в 2008 г., когда уже действовали шесть РИС с АСЕАН, Гонконгом, Макао, Чили и Пакистаном, а также АПТА. Позднее были подписаны соглашения с такими государствами, как Сингапур, Республика Корея, Коста-Рика, Перу, Мальдивы и Грузия⁶. Этим странам Китай оказывает помощь

⁵ Leifur S. China's Free Trade Agreement Strategy What lies beneath? Stjórnmaláfræðideild Félagsvísindasvið Háskóla Íslands, 2014.

⁶ Согласно классификации ООН стран по уровню экономического развития, Сингапур, Республика Корея и Гонконг отнесены к группе развивающихся стран. См. World Economic Situation and Prospects 2018. United Nations, 2018. P. 142.

в реализации проектов в сфере сельского хозяйства, добывающей и перерабатывающей промышленности, энергетики, транспорта, телекоммуникации, образования, здравоохранения. Новой формой помощи стало списание долговых обязательств [Дегтерев, Янь, Трусова 2017].

Китайские интеграционные соглашения подписываются в основном на двустороннем уровне, только два соглашения — с АСЕАН и АПТА выступают многосторонними. В географическом разрезе приоритетом пользуются страны Азии, что связано как с укреплением политических позиций КНР в Азии, так и с диверсификацией экспортных поставок.

Главный вопрос в любом РИС — либерализация торговли товарами [Grossman, Helpman 1995]. В разных соглашениях охват взаимной торговли либерализационными мерами составляет не менее 90%, что и требуют нормы ВТО (ст. XXIV ГАТТ), тогда как продолжительность проведения процесса либерализации различна. Устранение таможенных пошлин с даты вступления в силу соглашения определено в отношении Пакистана, Сингапура, Коста-Рики. В частности, в соглашении между Китаем и Коста-Рикой намечена немедленная либерализация 60% товаров взаимной торговли с даты вступления соглашения в силу, а еще 30% товаров — в течение 5—15 лет; в соглашении с Сингапуром немедленная либерализация 85% товаров и еще 10% с 2010 г. Пошаговая либерализация записана в соглашениях с АСЕАН, Перу, Чили. Так, в соглашении с АСЕАН определена такая либерализация 90% товаров взаимной торговли к 2010 г. для КНР и АСЕАН-6⁷ и к 2015 г. для АСЕАН-4⁸.

Правила применения защитных мер в рамках двусторонней торговли определяются нормами интеграционных соглашений (исключение — АПТА и соглашение с Коста-Рикой). В частности, в соглашении Китая и Пакистана записано, что в случае нанесения ущерба местным производителям импортом аналогичной продукции из страны-партнера в течение переходного периода (не более пяти лет с даты начала постепенной отмены таможенных пошлин) страна вправе приостановить процесс либерализации, или повысить ставку пошлины (но не выше ставки по РНБ). Одновременно, пострадавшая сторона письменно уведомляет другую страну-партнер о проведении расследования, которое должно быть завершено в течение максимум одного года⁹.

Что касается санитарных, фитосанитарных и технических мер, то они прописаны в большинстве соглашений и учитывают аналогичные правила ВТО. Как правило, формируются контактные пункты для информирования сторон об изменениях в национальных правилах регулирования таких мер и развития

⁷ Экономически более развитые страны АСЕАН — Сингапур, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия и Бруней, или АСЕАН-6.

⁸ Менее экономически развитые страны АСЕАН — Вьетнам, Лаос, Камбоджа и Мьянма.

⁹ Free Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Islamic Republic of Pakistan. URL: http://fta.mofcom.gov.cn/pakistan/xieyi/fta_xieyi_en.pdf (accessed 12.01.2018).

сотрудничества, также создаются совместные рабочие группы. Стороны обязуются применять международные стандарты при определении национальных санитарных, фитосанитарных и технических мер и процедур оценки их соответствия (соглашение Китая и Сингапура)¹⁰.

Регулирование торговли услугами не определено в РИС Китая с Чили и Пакистаном, а также в соглашении АПТА (табл. 1). Так, например, в соглашении о ЗСТ с АСЕАН записана приверженность нормам Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС), в частности, в отношении доступа на рынок, национального режима и национального регулирования вопросов торговли услугами. Данное соглашение установило только один режим в торговле услугами — национальный, который действует в отношении таких сфер услуг, как компьютерные, строительные услуги, экологические, транспортные и туристско-рекреационные услуги¹¹.

Таблица 1 / Table 1

**Основные положения интеграционных соглашений с участием Китая /
Main norms of integration agreements with Chinese participation**

Страна / Country	Услуги / Services	Разрешение споров / Dispute settle- ment	Инвести- ции / Invest- ments	ИПС / Intellec- tual property rights	Конку- рентная поли- тика / Compe- tition	Эколо- гия / Ecology	Сотруд- ничество / Cooper- ation	Переме- щение лиц / Move- ment of natural persons	Элек- тронная коммер- ция / Elec- tronic com- merce
Гонконг / Hong Kong	+	-	+	-	-	-	-	-	-
Макао / Macao	+	-	-	-	-	-	-	-	-
АСЕАН / ASEAN	+	+	-	-	-	-	-	-	-
АПТА / APTA	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Чили / Chile	-	+	-	-	-	-	+	-	-
Пакистан / Pakistan	-	+	+	-	-	-	-	-	-
Сингапур / Singapore	+	+	+	-	-	-	+	+	-
Перу / Peru	+	+	+	+	-	-	+	-	-
Коста-Рика / Costa Rica	+	+	-	+	-	-	+	-	-
Республика Корея / Republic of Korea	+	-	+	+	+	+	+	-	+
Грузия / Georgia	+	+	-	+	+	+	+	-	-

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

¹⁰ Free Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of Singapore. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/ensingapore.shtml> (accessed 12.01.2018).

¹¹ Agreement on Trade in Services of the Framework Agreement on comprehensive economic co-operation between the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/chinaasean.shtml> (accessed 12.01.2018).

Другой пример — соглашение с Сингапуром имеет подробные обязательства сторон в сфере услуг и фиксирует два режима — режим наибольшего благоприятствования и национальный режим. Национальный режим охватывает сферы услуг и их поставщиков в рамках особых обязательств как режим не менее благоприятный, чем в отношении национальных услуг и их поставщиков. Правила доступа на рынок определяются с учетом зафиксированных в ГАТС ограничений, которые охватывают количество поставщиков услуг, совокупную стоимость сделки по услугам, численность занятых в сфере услуг, ограничения в отношении зарубежного капитала в уставном капитале местной компании. Режим наибольшего благоприятствования применяется в отношении таких сфер, как инженеринговые, экологические, компьютерные, образовательные и туристские услуги.

Регулирование инвестиций отличает РИС Китая с 5 странами-партнерами (Гонконг, Пакистан, Сингапур, Перу и Республика Корея). Часто эти вопросы увязываются с двусторонними инвестиционными соглашениями (ДИС), которые выступают первым этапом налаживания экономического сотрудничества с той или иной страной с учетом важности привлечения и/или вложения прямых иностранных инвестиций. Китайскую интеграционную практику отличают особенности инвестиционного регулирования.

Главная из них — режим наибольшего благоприятствования. Он действует в отношении допуска, расширения, управления, деятельности инвесторов другой страны-партнера и их инвестиций или на стадии допуска инвестора. Национальный режим предоставляется зарубежным инвесторам только после создания бизнеса на китайской территории или на стадии функционирования инвестора. Но есть исключения: в соглашениях КНР с Пакистаном, Перу и АСЕАН зафиксирован полный национальный режим, который распространяется не только на стадию функционирования инвестора, но и на стадию его допуска.

Интеграционные соглашения регулируют вопросы проведения экспроприации или национализации иностранной собственности, которая возможна с учетом общественных интересов, в соответствии с нормами национального законодательства, на недискриминационной основе и в рамках выплаты компенсации по рыночной стоимости национализируемой собственности.

Вторая особенность касается ограничений в отношении перевода инвестиционных доходов за рубеж. В частности, в соглашении с Перу записаны возможные ограничения в отношении перевода инвестиционных доходов в случае банкротства или защиты прав кредиторов, выпуска или торговли ценных бумаг, фьючерсов или деривативов; уголовного преступления; финансовых отчетов, содержащих данные по сумме переводов при необходимости содействия правовым органам или органам финансового контроля; оказания содействия судебным органам или административным структурам¹².

¹² Agreement on Trade in Services of the Framework Agreement on comprehensive economic co-operation between the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/chinaasean.shtml> (accessed 12.01.2018).

В целом китайская позиция в вопросах регулирования инвестиционных норм с разными странами — партнерами по зонам свободной торговли различна — от комплексных норм в соответствии с международным правом до отнесения к двустороннему соглашению о взаимной защите и поощрении иностранных инвестиций (с Коста-Рикой) или к инвестиционным положениям соглашения Китай—АСЕАН (с Сингапуром).

Примерно половина китайских интеграционных соглашений включает вопросы защиты интеллектуальных прав собственности (ИПС). Общий подход отражает приверженность нормам Соглашения ВТО по торговым аспектам интеллектуальных прав собственности (ТРИПС) с учетом двух режимов — РНБ и национального в отношении согласованных объектов ИПС [Международные экономические отношения... 2017]. Так, в соглашениях Китая с Перу и Коста-Рикой к объектам ИПС отнесены только генетические ресурсы и традиционные знания, географические названия, а в соглашении со Республикой Корея — копирайт, торговые марки, патенты, генетические ресурсы и традиционные знания, разнообразие растений, конфиденциальная информация, промышленный дизайн, географические наименования. Защита перечисленных объектов ИПС проводится в соответствии с нормами национального законодательства соответствующей стороны на уровне не ниже обязательств по ТРИПС. Каждая сторона утверждает нормативно-правовые обязательства в случае нарушения ИПС, когда импорт или экспорт товаров наносит ущерб патентам, промышленному дизайну, торговым маркам или копирайту¹³.

Такое важное направление взаимных экономических связей как формирование механизма разрешения споров отличает соглашения Китая с Чили, Перу, Коста-Рикой, Пакистаном, Сингапуром и Грузией. В качестве примера можно рассмотреть соответствующие нормы соглашения между КНР и Перу. Пострадавшая сторона вправе выбрать подходящий механизм разрешения спорного вопроса. Один из них — консультации, которые инициируются на основе письменного уведомления с указанием причин подобной просьбы. Другая сторона обязана приступить к консультациям в течение периода не более 10 дней с даты получения уведомления по срочным вопросам и не более 30 дней по другим вопросам. Если это не произойдет, то пострадавшая сторона вправе обратиться с просьбой о формировании арбитражной группы. Судебные издержки подлежат компенсации в соответствии с соглашением между сторонами¹⁴. В целом в интеграционных соглашениях с участием Китая регулирующие механизм разрешения споров нормы отличаются слабой отработанностью.

¹³ Free Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of Costa Rica. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/encosta.shtml> (accessed 12.01.2018).

¹⁴ Free Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of Peru. URL: http://fta.mofcom.gov.cn/bilu/annex/bilu_xdwb_en.pdf (accessed 12.01.2018).

Гораздо реже можно встретить в РИС с китайским участием нормы регулирования конкурентной политики, что отличает соглашения с Грузией и Республикой Корея. В соглашении между Китаем и Республикой Корея зафиксировано, что каждая сторона утверждает национальное законодательство, которое действует и защищает конкуренцию на рынке, формирует соответствующие регулирующие органы с учетом принципов прозрачности, недискриминации и справедливости. При нарушении законодательных норм в сфере конкуренции в отношении лиц действует национальный режим, применяются штрафные санкции. Стороны сотрудничают в сфере конкуренции в рамках нотификации, консультаций, обмена информацией и технического сотрудничества¹⁵.

Экологические нормы определены только в двух интеграционных соглашениях — с Грузией и Республикой Корея. В основном упоминается приверженность сторон международным стандартам. Так, в соглашении с Республикой Корея записано, что экологические стандарты не будут применяться в качестве ограничительных торговых инструментов; экологические нормы регулируются национальным законодательством с учетом международных договоренностей и двустороннего сотрудничества¹⁶.

В соглашениях Китая с развивающимися странами (встречается и в отношении развитых государств-партнеров) обязательным выступает раздел по экономическому сотрудничеству, направления которого дифференцированы в зависимости от китайской заинтересованности¹⁷. Наибольший охват направлений взаимного экономического сотрудничества отличает отношения между КНР и Сингапуром (в сферах инноваций, науки и технологий, ИКТ, образования, малых и средних компаний, культуры, туризма, добывающей и обрабатывающей промышленности, конкуренции, традиционной медицины, трудовых отношений, защиты окружающей среды, рыбного и сельского хозяйства), а наименьший — с Грузией (в сферах традиционной китайской медицины, инвестиций, электронной коммерции).

Вопросы временного пребывания лиц — крайне редкая практика интеграционных соглашений Китая. Подобные вопросы регулируются только соглашением с Сингапуром из числа развивающихся государств-партнеров, при этом учитываются добровольные обязательства перед АТЭС в соответствии с Рамочным соглашением по карте перемещения бизнесменов (Business Travel Card). Регулирование перемещения физических лиц относится к предпринимателям, поставщикам услуг и внутрифирменным перемещениям занятых. Нормы соглашения определяют ускоренную и упрощенную процедуру выдачи виз, для чего используются онлайн-инструменты. Стороны не имеют права ограничивать общее количество выдаваемых виз, требовать тестирования состояния рынка труда, экономических потреб-

¹⁵ Free Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of Korea. URL: http://fta.mofcom.gov.cn/korea/annex/xdzw_en.pdf (accessed 12.01.2018).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Mishra P. The Rise of China and the Fall of the 'Free Trade' Myth. The New York Times. February 7, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/07/magazine/the-rise-of-china-and-the-fall-of-the-free-trade-myth.html> (accessed 12.02.2018).

ностей в иностранной рабочей силе или иных условий в качестве критериев на право временного пребывания граждан одной стороны на территории другой¹⁸.

Электронная коммерция регулируется только соглашением между Китаем и Республикой Корея. В нем записано, что с учетом подхода ВТО в отношении электронных сделок не взимаются таможенные пошлины, применяются нормы национального законодательства, а также электронные подписи. Определен порядок (1) защиты личной информации в рамках электронной торговли на основе необходимых мер и обмена информацией; (2) правила безбумажной торговли в рамках электронных административных документов; (3) развития совместного сотрудничества по обмену информацией и передовой практикой, по подготовке кадров, участию в региональных и международных организациях, занимающихся вопросами электронной торговли¹⁹.

Китай не включает в свои интеграционные соглашения вопросы регулирования рынка государственных закупок, что связано с крупным объемом соответствующего китайского рынка и, соответственно, необходимостью ограничения допуска иностранных партнеров в целях защиты интересов национальных компаний.

Таким образом, можно сделать вывод, что китайские интеграционные соглашения отличаются относительно узким охватом и невысокими стандартами. Однако следует сделать несколько замечаний:

1) по мере эволюции подхода к подписанию РИС охват стал постепенно расширяться;

2) соглашения дифференцированы от низкого стандарта (АПТА, с Пакистаном, Коста-Рикой и АСЕАН) до высокого (с Сингапуром и Республикой Корея);

3) подавляющее большинство китайских РИС нотифицированы в рамках ВТО с учетом ст. XXIV ГАТТ и ст. V ГАТС, а не разрешающей оговорки, которая позволяет соглашениям между развивающимися странами либерализовать не весь объем взаимной торговли, сохранять преференциальные ставки таможенных пошлин во взаимной торговле и сохранять дискриминацию в отношении неучаствующих государств. В соответствии с разрешающей оговоркой нотифицированы лишь соглашения АПТА и между Китаем и АСЕАН.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ НА ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ КИТАЯ

Участие государства в интеграционных соглашениях содействует более динамичному росту экспорта в рамках интеграционных объединений, что в том числе подтверждает практика Китая.

---

¹⁸ Free Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of Singapore. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/topic/ensingapore.shtml> (accessed 12.01.2018).

¹⁹ Free Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of Korea. URL: http://fta.mofcom.gov.cn/korea/annex/xdzw_en.pdf (accessed 12.01.2018).

За 2008—2016 гг. совокупный китайский экспорт вырос в 1,47 раза, а экспорт в развивающиеся государства — партнеры по РИС — в 1,65 раза. Их удельный вес в совокупном экспорте КНР возрос с 37,8 до 42,6%, тогда как в китайском импорте, напротив, снизился с 44,7 до 37,9% за рассматриваемый период (см. табл. 2). Таким образом, процесс торговой либерализации стимулировал более динамичный рост китайского экспорта в страны-партнеры по сравнению с совокупным экспортом КНР и по сравнению с китайским импортом из развивающихся государств — членов ЗСТ.

Таблица 2 / Table 2

**Торговля Китая с развивающимися странами —
партнерами по РИС в 2008—2016 гг., млрд долл. США /
China's trade with regional integration agreements' partners in 2008—2016, USD bn**

Страна / Country	Экспорт / Export			Импорт / Import			Торговый баланс / Trade balance		
	2008	2010	2016	2008	2010	2016	2008	2010	2016
Гонконг / Hong Kong	190,6	218,3	287,3	12,9	12,3	16,7	+177,7	+206,0	+270,6
Макао / Macao	2,6	2,1	3,1	0,3	0,1	0,1	+2,3	+2,0	+3,0
АСЕАН / ASEAN	114,3	138,2	256,0	117,0	154,7	196,3	-2,7	-116,5	+59,7
АПТА / APTA	112,0	118,9	171,7	225,2	267,0	173,2	-113,2	-158,1	-1,5
Чили / Chile	6,2	8,0	12,8	11,2	17,9	18,6	-5,0	-10,6	-5,8
Пакистан / Pakistan	6,1	6,9	17,2	1,0	1,7	1,9	+5,1	+6,0	+15,3
Сингапур / Singapore	32,3	32,3	44,5	20,2	24,7	26,0	+12,1	+7,6	+18,5
Перу / Peru	2,8	3,5	6,0	4,5	6,4	9,5	-1,7	-2,9	-3,5
Коста-Рика / Costa Rica	0,6	0,7	1,5	2,3	3,1	0,7	-0,7	-2,4	+0,8
Республика Корея / Republic of Korea	73,9	68,8	93,7	112,1	138,3	159,0	-38,2	-89,5	-65,3
Торговля с развивающимися странами-партнерами / Trade with developing partners	541,4	597,7	893,8	506,7	626,2	602,0	+34,7	-28,5	+291,8
Всего / Overall	1 430,7	1 577,8	2 097,6	1 132,6	1 396,0	1 587,9	+298,1	+181,8	+509,7
Доля развивающихся стран-партнеров в торговле КНР, % / Share of developing partners in China's trade, %	37,8	38,9	42,6	44,7	44,9	37,9	—	—	—

Источник / Source: WTO-UNCTAD International Trade Center statistics for international business development. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm (accessed 12.01.2018).

Большая часть стран — партнеров по интеграционным соглашениям не выступают ведущими торговыми партнерами Китая, исключение составляют Гонконг (13,8%) и Республика Корея (6,5%). Одновременно Китай является главным рынком сбыта для развивающихся стран-партнеров. Так, он занимает 1-е место в экспорте Гонконга (54,2%), Сингапура (12,8%), Чили (28,6%), Перу (23,5%), Республики Корея (25,1%) и 2-е место в экспорте Макао (20,2%) и Пакистана (7,6%) и не входит в «пятерку» экспортеров лишь Коста-Рики по итогам 2016 г.

Отрицательное сальдо китайского торгового баланса по итогам 2016 г. сложилось в торговле с Республикой Корея (–65,3 млрд долл. США), Чили (–5,8 млрд долл.), Перу (–3,5 млрд долл.) и АПТА (–1,5 млрд долл.), или с 4 из 10 партнеров по интеграционным соглашениям. Но сальдо совокупного торгового баланса между КНР и развивающимися странами — членами интеграционных соглашений является положительным и возросло с +34,7 млрд долл. до +291,8 млрд долл. за 2008—2016 гг. Благодаря более динамичным темпам роста доля зон свободной торговли в экспорте КНР увеличилась с 39,9 до 44,8%, а в китайском импорте, напротив, снизилась с 44,7 до 37,9%.

Экономический эффект членства в интеграционных соглашениях для китайской экономики зависит от ряда факторов, из числа которых следует выделить объем общего потребительского рынка, объем совокупного ВВП сформированного объединения, объем и динамику взаимной торговли, долю взаимного экспорта в совокупном экспорте объединения, размер ставок таможенных пошлин на дату подписания соглашения [Костюнина 2017]. Сравним перечисленные факторы по интеграционным соглашениям с участием Китая.

По объему общего потребительского рынка, который измеряется численностью населения, выделяются соглашения Китая с АСЕАН, Пакистаном и Республикой Корея, в которых совокупное количество потребителей составляет от 635 млн чел. (КНР—АСЕАН) до 51,2 млн чел. (КНР—Республика Корея) (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

**Экономические показатели стран — партнеров
по зонам свободной торговли с участием Китая /
Economic indicators RIAs' partners of China***

Страна / Country	Численность населения, млн чел. / Population, mln	ВВП млрд долл. / GDP, USD bln	Доля взаимного экспорта, % / Share of mutual export, %	Рост экспорта КНР / Growth of China's export	Ставки пошлин, % / Rates of customs duties, %
Гонконг / Hong Kong	7,3	430,2	13,7	1,51	0
Макао / Macao	0,6	64,9	0,2	1,12	0
АСЕАН / ASEAN	635,0	2551	12,2	2,24	6,8
Чили / Chile	17,9	429,1	0,6	2,06	6,0
Пакистан / Pakistan	204,9	1003	0,8	2,82	12,3
Сингапур / Singapore	5,6	492,6	2,1	1,38	0
Перу / Peru	31,8	413,8	0,3	2,14	2,4
Коста-Рика / Costa Rica	4,9	82,1	0,07	2,42	5,6
Республика Корея / Republic of Korea	51,2	1 832,1	4,5	1,27	13,9

*В таблице выделены жирным шрифтом наиболее высокие показатели.

Составлено на основе Базы статистических данных АТЭС. URL: http://statistics.apec.org/index.php/apec_apr/economy_list. World Tariff Profiles 2016. URL: https://www.wto.org/ENGLISH/res_e/booksp_e/tariff_profiles16_e.pdf (дата обращения: 13.05.2018).

Самый высокий совокупный ВВП у РИС Китай — АСЕАН, далее следуют соглашения Китай — Республика Корея, Китай — Австралия и Китай — Пакистан, в которых данный показатель дифференцирован от более 2,5 трлн долл. (КНР—АСЕАН) до 1 трлн долл. (КНР—Пакистан).

По динамике взаимной торговли выделяется РИС между КНР и Пакистаном, между Китаем и Коста-Рикой и между КНР и АСЕАН, а по доле взаимного экспорта в совокупном китайском экспорте — интеграционные соглашения Китая с Гонконгом, с АСЕАН и Республикой Корея.

Наиболее высокими ставками таможенных пошлин отличаются такие китайские партнеры по интеграционным соглашениям, как Республика Корея (13,9%) и Пакистан (12,3%), а также АСЕАН (6,8%) и Чили (6,0%). Их устранение формирует немалые преимущества для сбыта китайской продукции на их рынках.

Таким образом, если суммировать вышеуказанные факторы, то можно сделать вывод, что наибольший экономический эффект для китайской экономики принесут или принесут в перспективе (по завершении формирования ЗСТ) интеграционные соглашения с АСЕАН (выделяются все шесть рассматриваемых факторов), с Республикой Корея (существенны пять факторов из шести)²⁰ и Пакистаном (значимы четыре фактора из шести). Таким образом, можно сделать следующие выводы особенностей интеграционной практики Китая.

1. Интеграционные соглашения с участием Китая подписываются в основном с развивающимися государствами, т.е. в рамках модели Юг—Юг. Они отличаются узким форматом и редко включают вопросы защиты интеллектуальных прав собственности, конкурентной политики, перемещения лиц, экологии, госзакупок.

2. Китай применяет гибкий подход к выбору партнеров по интеграционным соглашениям, исходит из принципа подписания соглашений с небольшими по размеру территории странами и предоставления им преимуществ на национальном рынке сбыта (принцип 大國道德), что также отличает практику соглашений с развивающимися странами. Небольшие страны, как правило, не относятся к группе ведущих торговых партнеров КНР, тогда как Китай выступает для них главным рынком сбыта.

3. Мотивы подписания соглашений носят стратегический, экономический и ресурсный характер. При подписании интеграционных соглашений важен и политический подтекст соглашений, особенно в отношениях со странами Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Южной Азии (Пакистан). Таким образом, приоритет в подписании соглашений отдается странам Азии.

4. Как показывает проведенный анализ, экспорт Китая в развивающиеся страны — партнеры по интеграционным соглашениям отличается большей динамикой в отличие от совокупного китайского экспорта, что стимулировало повышение удельного веса этих государств в экспорте Китая.

---

²⁰ Однако китайский экспорт в Республику Корея за рассмотренный период 2008—2016 гг. увеличился незначительно (1,27 раза), причем более медленными темпами по сравнению с совокупным экспортом КНР, а торговый баланс является дефицитным. Главная причина связана с начавшимся только в 2015 г. процессом формирования зоны свободной торговли, который продолжится в течение 20 лет, поэтому получение экономических преимуществ для китайской экономики — в среднесрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баронов В.И., Костюнина Г.М.* Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // *Международная жизнь*. 2016. № 2. С. 90—112.
- Дегтерев Д.А., Янь Л., Трусова А.А.* Российская и китайская системы оказания международной помощи: сравнительный анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 824—838. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838>.
- Костюнина Г.М.* Современные концепции формирования зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2011. № 6. С. 33—48.
- Костюнина Г.М.* Интеграционная модель АСЕАН+1: основные положения соглашений и влияние на внешнеэкономические связи // *Вестник РУДН*. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 441—457. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-441-457>.
- Международные экономические отношения: плюрализм мнений в эпоху перемен* / под общ. ред. и с предисл. Л.С. Ревенко. М.: МГИМО-Университет, 2017.
- Grossman G., Helpman E.* The politics of free trade agreements // *American Economic Review*. 1995. Vol. 85. N 4. P. 667—690.
- He Fan, Yang Panpan.* China's Role in Asia's Free Trade Agreements // *Asia and the Pacific Policy Studies*. 2015. Vol. 2. N 2. P. 416—424. DOI: <https://doi.org/10.1002/app5.66>.
- Li Chunding, Wang Jing, Whalley J.* China's Regional and Bilateral Trade Agreements. NBER Working Papers Series. N 19833. Cambridge, 2014. DOI: 10.3386/w19853.
- Li Yang* China's Free Trade Agreement diplomacy. PhD Thesis. 2015. DOI: 10.4225/55/58af695f326d2. URL: <https://adelaide.edu.au/dspace/handle/2440/103486> (accessed 12.02.2018).
- Nakagawa J., Liang W.* A Comparison of FTA Strategies of Japan and China and their Implications for Multilateralism. RCCPB Working Paper № 11. Indiana University, Bloomington, 2011.
- Petri P.A., Plummer M.G., Zhai F.* The Trans-Pacific Partnership and Asia-Pacific Integration. A Quantitative Assessment. Peterson Institute for International Economics and East—West Center Policy Analyses in International Economics. № 98. Washington DC, 2012.
- Quinn H.* Trading with a Giant. The Implications of New Zealand's Free Trade Agreement with China. China Research Papers №1. New Zealand Contemporary China Research Centre. Wellington, 2015.
- Salidjanova N.* China's Trade Ambitions: Strategy and Objectives behind China's Pursuit of Free Trade Agreements. US—China Economic and Security Review Commission. 2015. URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China's%20Trade%20Ambitions%20-%202005.28%2015.pdf> 103486 (accessed 12.02.2018).
- Song Guoyou, Yuan Wenjin.* China's Free Trade Agreement Strategies // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. Iss. 4. P. 107—119. DOI: <https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.726425>
- Understanding China's Free Trade Agreements.* China Briefing. URL: <http://www.china-briefing.com/news/2014/02/10/understanding-chinas-free-trade-agreements.html> 103486 (accessed 12.02.2018).
- Wise C.* China's Free Trade Agreements in South America // *Inter-American Dialogue Economics Brief*. 2012. URL: <http://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2012/11/ChinasFreeTradeAgreementsinSouthAmerica.pdf> 103486 (accessed 12.02.2018).
- Zeng Ka.* China's Free Trade Agreement Diplomacy // *The Chinese Journal of International Politics*. 2016. Vol. 9. Iss. 3. P. 277—305. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/pow009>.

Дата поступления статьи: 29.05.2018

Для цитирования: *Костюнина Г.М., Баронов В.И.* Особенности региональных интеграционных соглашений с участием Китая в рамках модели Юг—Юг // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 612—627. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-612-627.

Сведения об авторах: *Костюнина Галина Михайловна* — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры МЭО и ВЭС им. Н.Н. Ливенцева Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: galina_kostynina@yahoo.com).

Баронов Владимир Иванович — кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры юриспруденции Московского городского университета управления правительства Москвы (e-mail: baronov46@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-612-627

CHINA'S REGIONAL INTEGRATION AGREEMENTS IN THE FRAMEWORK OF MODEL "SOUTH—SOUTH"

G.M. Kostyunina

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia

V.I. Baronov

Moscow Metropolitan Governance University,
Moscow, the Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to identify the foundations of China's integration policy and the features of its integration agreements with developing countries, i.e. in the framework of the South—South model. The basis of the Chinese integration strategy is the principle of "big country morality", which allows to assist developing countries with small territory and to a lesser extent proceed from accounting for the economic advantages of membership in an agreement (no wonder some agreements have the effect of deviating trade for the PRC). The developing countries are China's main partners in the integration agreements (12 out of 16).

The article compares the norms of China's integration agreements with individual partner countries, and examines the impact of membership on Chinese foreign trade relations and identifies the most effective agreements. The main conclusions of the authors include the prevalence of the South—South model as bilateral agreements, the liberalization of trade in goods and services, the priority in signing agreements with the countries of Asia; relatively narrow scope and rarely include issues of protection of intellectual property rights, competition policy, ecology, public procurement; application of a flexible approach to the selection of partners for integration agreements and the content of agreements; more dynamic growth of China's exports to partner countries on integration agreements; Integration agreements with ASEAN, the Republic of Korea and Pakistan became the most effective for the PRC.

Key words: China, integration agreements, model "South—South", foreign trade, "trade creation" effect, "trade diversion" effect

REFERENCES

- Baronov, V.I. & Kostyunina, G.M. (2016). Trans-Pacific Partnership: the main provisions of the agreement and the potential effect. *International Affairs*, 2, 90—112. (in Russian).
- Degtarev, D.A., Yan, L. & Trusova, A.A. (2017). Russian and Chinese Systems of Development Cooperation: A Comparative Analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(4), 824—838. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838>. (in Russian).
- Grossman, G. & Helpman, E. (1995). The politics of free trade agreements. *American Economic Review*, 85(4), 667—690.

- He, Fan & Yang, Panpan (2015). China's Role in Asia's Free Trade Agreements. *Asia and the Pacific Policy Studies*, 2 (2), 416—424. DOI: <https://doi.org/10.1002/app5.66>.
- Kostyunina, G.M. (2017). The Integration Model ASEAN+1: the Main Norms of Agreements and Effect on Foreign Economic Ties. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 441—457. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-441-457>. (in Russian).
- Li, Chunding, Wang, Jing & Whalley, J. (2014). *China's Regional and Bilateral Trade Agreements. NBER Working Papers Series*. N 19833. Cambridge. DOI: 10.3386/w19853.
- Li, Yang. (2015). *China's Free Trade Agreement diplomacy. PhD Thesis*. DOI: 10.4225/55/58af695f326d2. URL: <https://adelaide.edu.au/dspace/handle/2440/103486>. (accessed 12.02.2018).
- Nakagawa, J. & Liang, W. (2011). A Comparison of FTA Strategies of Japan and China and their Implications for Multilateralism. RCCPB Working Paper № 11. Indiana University, Bloomington.
- Petri, P.A., Plummer, M.G. & Zhai, F. (2012). *The Trans-Pacific Partnership and Asia-Pacific Integration. A Quantitative Assessment*. Peterson Institute for International Economics and East—West Center Policy Analyses in International Economics. № 98. Washington DC.
- Quinn, H. (2015). *Trading with a Giant. The Implications of New Zealand's Free Trade Agreement with China*. China Research Papers № 1. New Zealand Contemporary China Research Centre. Wellington.
- Revenko, L.S. (Ed.). (2017). *International economic relations: pluralism of opinions in an era of change*. Moscow: MGIMO-University. (in Russian).
- Salidjanova, N. (2015). *China's Trade Ambitions: Strategy and Objectives behind China's Pursuit of Free Trade Agreements*. US—China Economic and Security Review Commission. URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China's%20Trade%20Ambitions%20-%2005.28%2015.pdf> 103486 (accessed 12.02.2018).
- Song, Guoyou & Yuan, Wenjin, (2012). China's Free Trade Agreement Strategies. *The Washington Quarterly*, 35 (4), 107—119. DOI: <https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.726425>.
- Understanding China's Free Trade Agreements*. China Briefing. URL: <http://www.china-briefing.com/news/2014/02/10/understanding-chinas-free-trade-agreements.html> 103486 (accessed 12.02.2018).
- Wise, C. (2012). China's Free Trade Agreements in South America. *Inter-American Dialogue Economics Brief*. URL: <http://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2012/11/ChinasFreeTradeAgreementsinSouthAmerica.pdf> 103486 (accessed 12.02.2018).
- Zeng, Ka (2016). China's Free Trade Agreement Diplomacy. *The Chinese Journal of International Politics*, 9 (3), 277—305. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/pow009>.

Received: 29.05.2018

For citations: Kostyunina, G.M. & Baronov, V.I. (2018). China's Regional Integration Agreements in the Framework of Model "South—South". *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (3), 612—627. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-612-627.

About the Authors: *Kostyunina Galina Mikhailovna* — Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (e-mail: galina_kostynina@yahoo.com).

Baronov Vladimir Ivanovich — PhD in Legal Sciences, Professor, Professor of Department of Jurisprudence of Moscow Metropolitan Governance University (e-mail: baronov46@mai.ru).